

Шэнь Бай понурил голову, копируя привычную манеру Бай Си, и слегка ссутулился, словно демонстрируя слабость. Затем он поднял взгляд — робкий, смущённый и в то же время исполненный затаённого ожидания. Соблазнительный, манящий взор совершенно не вязался с предельно строгой и серьёзной интонацией, с какой он произнёс:

— Учитель, у Бай Си сегодня в обед возникли дела, поэтому я пришёл предупредить вас.

Учитель Ван толком даже не расслышал его слов — его взгляд буквально прилип к юноше. За свою жизнь он переспал с немалым количеством мальчишек и уже сталкивался с подобными взглядами и жестами, но никто из них не был настолько соблазнителен.

Под расстёгнутой курткой юноши была лишь школьная рубашка с коротким рукавом. Открытая кожа выглядела гладкой и белоснежной, а силуэт поражал плавностью линий. Сквозь тонкую ткань легко угадывалось юное, гибкое тело. Должно быть, из-за недавних физических нагрузок рубашка в одном месте слегка намочила, отчего грудь маняще просвечивала, а изящные ключицы притягивали взор. Что уж говорить о лице — оно было самым красивым из всех, что Ван когда-либо видел. И теперь эти обычно холодные, отстранённые глаза смотрели на него с откровенным призывом. От одного такого взгляда у учителя ниже пояса тут же натянулась палатка.

Кто бы мог подумать, что у этого обычно неприступного и холодного ученика есть такая сторона. Похоже, в глубине души он самая обычная похотливая дрянь, ха-ха-ха! Мысли об этом возбуждали еще сильнее, ему не терпелось броситься на него, а о всяком Бай Си он давно уже позабыл.

— И что потом? — жадно уставившись на Шэнь Бая, спросил он.

— Если у учителя больше нет дел, я тогда пойду, — произнес Шэнь Бай, хотя его взгляд ясно давал понять, что на самом деле он вовсе не собирается уходить.

— Даже если тебе не жалко уходить, мне жалко отпускать тебя! — учитель Ван вскочил и бросился на Шэнь Бая, пытаясь прижать того к письменному столу. Но юноша обладал некоторой силой, к тому же ему не хотелось задерживаться здесь надолго, и он начал пытаться сорвать с него одежду.

— Учитель Ван, что вы делаете? — с показным нежеланием вымолвил юноша, однако в его голосе звучала лишь холодная праведность, да и сопротивлялся он без особого усердия.

— Имею тебя, маленькая шлюшка. Учителю Вану нравилось такое мнимое простодушие и жеманное сопротивление, и он изрыгал привычные пошлые ругательства.

— Учитель, вы ведь учитель, так нельзя, — Шэнь Баю подумалось, что во второй половине дня все-таки стоит сходить в школьный медпункт за справкой о болезни, уж очень ему хотелось поскорее вернуться домой и принять ванну. Учитель Ван больше всего любил этот тон. Подобные слова он произносил уже бесчисленным ученикам, но каждый раз от этого заводился еще сильнее. На этот раз возбуждение было особенно сильным:

— Да, я учитель. Так позволь учителю как следует побаловать тебя.

— ...

Шэнь Бай велел себе сдержаться: ему еще нужно вытянуть из собеседника кое-какую полезную информацию, так что не стоит горячиться прямо сейчас.

Он отвел взгляд — сначала от маленькой и удобной пепельницы, затем от удобной для захвата и шлепков клавиатуры и, наконец, от громоздкой, но обладающей огромной убойной силой табуретки.

— Учитель, я несовершеннолетний. К тому же, подобные отношения между учителем и учеником неправильны, это ненормально.

Лишенный и намек на похоть тон Шэнь Бая не вызвал у учителя Вана никаких подозрений: совращение учеников было для него привычным грязным делом, которое он проворачивал с легкостью.

— Ничего неправильного здесь нет. Разве недостаточно того, что учитель любит тебя? Дай учителю попробовать тебя на вкус, иначе учитель попробует кого-нибудь другого.

— Учитель, вы и с другими учениками...

— Хе-хе-хе, не переживай. Ты — прекраснейший из всех, кого видел учитель, и он будет любить тебя по-настоящему.

Щелк. Диктофон выключен.

Шэнь Бай взял пепельницу, обрушил на цель, отбросил в сторону.

Шэнь Бай взял клавиатуру, опустил на цель, отбросил в сторону.

Шэнь Бай поднял табуретку, швырнул в цель, отбросил в сторону.

...

Шэнь Бай наконец-то мог пустить в ход те пафосные заученные реплики, к которым тщательно готовился:

— Согласно статье двадцать, части первой, пункту третьему Главы второй Уголовного кодекса нашей страны, при совершении насильственных преступлений, таких как продолжающееся нападение, убийство, грабеж, изнасилование, похищение людей или иные тяжкие насильственные преступления, угрожающие личной безопасности, защитные действия, причинившие вред или смерть посягающему лицу, не являются превышением пределов необходимой обороны и не влечет за собой уголовной ответственности. Боже мой, до чего же это круто и стильно!

Глядя на учителя Вана, который уворачивался и всюду орал благим матом, Шэнь Бай благоразумно решил остановиться. Лишать кого-то жизни в его планы не входило, к тому же ему совсем не улыбалось сбегаться на шум со всей округи. Но самое главное заключалось в другом:

Шэнь Бай и сам отбил себе руки, лупя этого гада по спине.

Поэтому Шэнь Бай аккуратно поправил одежду и вышел из кабинета.

— И да, помни: больше ни смей трогать Бай Си. Можешь считать, что это я полностью взял на себя всю ответственность. Если я хоть раз замечу, что ты снова попытался навредить Бай Си, поверь мне, твои орудия преступления я сохраню навсегда. Успев сдать старосте пересчитанные баллы за поведение до начала первого дневного урока, Бай Си погрузился в привычные школьные будни. Вскоре он заметил странность: стоило ему на перемене или во время обеденного перерыва хотя бы шевельнуться в сторону выхода из класса, как староста тут же окликал его. Тот либо звал вместе набрать воды, либо тащил в школьный ларек, куда они прежде почти не заглядывали. Бай Си не решался отказаться, а вернее сказать, попросту не хотел перечить старосте, поэтому так ни разу и не сходил в кабинет учителя Вана. Хотя на душе у него скребли кошки и он все время боялся нарваться на гнев педагога, происходило нечто невероятное: в последнее время учитель Ван, проходя мимо них со старостой, даже взглянуть в его сторону не смел. На уроках он вел себя тише воды, ниже травы, больше не вызывал Бай Си к доске и не звал к себе. При виде юноши у него был такой вид, будто он сам боялся его пуще прежнего.

Спустя несколько дней учителя и вовсе заменили. Вместо него пришла женщина лет сорока пяти — пятидесяти: строгая, суровая, но крайне добросовестная. Однажды кто-то из одноклассников пожаловался, что при учителе Ване учиться было куда вольготнее, на что другой тут же выдал шокирующую новость: учителя Вана арестовали по обвинению в растлении учеников, и теперь он в тюрьме.

Бай Си вздрогнул всем телом и стал жадно прислушиваться к разговору. Выяснилось, что в ходе проверки открылись факты растления, причем улики указывали на нескольких пострадавших. Однако остальные жертвы, за исключением того самого ученика, который подал заявление, наотрез отказались свидетельствовать против него, заявляя, что ничего подобного не было, пусть даже сам учитель Ван во всем сознался. Хотя всем все было предельно ясно, из-за отсутствия показаний суровый многолетний срок пришлось смягчить, ограничившись статьей о покушении на изнасилование несовершеннолетнего.

Услышав это, Бай Си с облегчением выдохнул. Но, как и всех остальных, его терзало любопытство: кто же этот смельчак, разоблачивший учителя Вана? Раз он был его учеником, значит, учился с ними в одной школе и на одной параллели! Какое счастье, что он тогда так и не пошел к нему в кабинет... Случись что, вряд ли у него хватило бы мужества дать отпор, как у того парня. Скорее всего, он поступил бы в точности как те несчастные и побоялся бы признаться, что стал жертвой домогательств.

Быть может, именно из-за их робости учитель Ван и выбрал их своей мишенью.

Радуюсь про себя удачному исходу, Бай Си в то же время с тревогой подметил, что староста в последнее время стал к нему заметно холоднее.

С тех пор как учителя Вана уволили, староста ходил за водой один. Каждое утро он по-прежнему стоял у ворот его жилого комплекса с завтраком в руках, а по вечерам они все так же без слов задерживались в классе и уходили последними. Но на переменах он больше не подходил, во время обеда куда-то пропадал, а на уроках, где не было учителей, его и вовсе было не сыскать. Впрочем, староста каждый раз отпрашивался по всем правилам. Из-за этого Бай Си целыми днями только и жил ожиданием дороги в школу и обратно, а в остальное время

вита́л в облаках и моли́л лишь о том, чтобы стрелки часов бежали быстрее.

Бай Си украдкой взглянул на сидевшего у окна старосту. В лучах солнца красивый юноша с сосредоточенным видом читал книгу. Теперь каждую перемену староста прилежно сидел на своем месте, погрузившись в литературу, далекую от школьной программы. Бай Си слышал, как девчонки в классе шушукались о том, что интересы старосты плавно перетекли от юриспруденции к экономике и культурологии.

— У-у-у, ну почему староста читает так быстро? Я свой учебник по праву еще даже до середины не дочитала, хнык-хнык!

— Да ты просто черепаха! Я вот уже осилила Трактат о преступлениях и наказаниях. Толку от него, конечно, ноль целых, хрен десятых, но как подумаю, что мы со старостой читаем одно и то же, прямо расцеловать эту книгу готова!

— Эй-эй-эй, и это вся ваша преданность? Я вот уже купила книгу Адама Смита, которую староста сейчас читает, и собираюсь взяться за нее!

— Прошу прощения, но я уже дочитала Новейшую историю, которую староста еще даже не закончил, — Янь И победоносно уперла руки в бока, едва сдерживая желание громко рассмеяться в голос. Ее статус законной супруги никуда не денется! Не зря она как безумная читала каждый день допоздна, засыпая лишь после полуночи. Родители, которые раньше палкой загоняли ее делать уроки, теперь сами подносили чай, разминали плечи и умоляли лечь спать пораньше.

Поначалу одолеть эти книги было сущей пыткой. Но стоило ей вспомнить, как она стояла, опустив голову, прямо перед его широкой грудью, как она тут же брала себя в руки: она обязана стать женщиной, достойной стоять рядом со старостой! Подумаешь, книжки читать! Просто вместо романов про телохранителей школьных красавиц придется переключиться на что-то посolidнее. И теперь она читала, мысленно преклоняясь перед старостой, который разбирался во всей этой премудрости.

Господин староста, вам случайно не нужна закладка для книг, умеющая согревать постель?!

Парни обычно лишь презрительно фыркали в сторону девушек. Читай такое любой другой парень, они бы непременно обозвали его выпендренником. Но только не старосту.

К тому же, глядя на то, как толпа девиц, знавших раньше только вздохи по парням, на каждой перемене сидит с заумными томами в руках — от Гражданского процессуального права и Древнего права до Делового английского, заставляя проходящих мимо учителей цокать языками от удивления, парни не выдержали. Сначала один, затем целая компания, а потом и вовсе весь класс — даже те, кто терпеть не мог читать, сочли своим долгом положить на краешек парты Критику чистого разума.

Староста Седьмого класса Шэнь Бай, которого на каждой утренней линейке бесконечно ставили всем в пример, про себя размышлял: пусть у людей в этом мире моральные принципы и прихрамывают, тяга к знаниям у них отменная, да и вкус к литературе на высоте. Похоже, ему самому еще учиться и учиться, расслабляться нельзя, пора идти за новой партией книг.

Так книжный магазин снова опустел благодаря его невольному влиянию.— Брай Си, смотрю, вы с нашим старостой здорово сдружились, — Янь И украдкой подбежала на перемене к парте перед Брай Си и заговорила с ним шепотом.

— А? Ой, нет, ничего подобного! — Брай Си моментально залился краской. Внутри у него всё замирало от сладкого трепета, но инстинктивно хотелось всё отрицать.

— Да ладно, брось, какое «ничего»! Я же всё вижу, верно? Несколько дней назад староста звал тебя с собой набрать воды, да и утром я видела, как вы вместе шли в школу! — Янь И посмотрела на него с выражением: «Тебе меня не обмануть».

Лицо Брай Си покраснелось пуще прежнего:

— Наверное... потому что наши дома находятся довольно близко.

— Ты хоть понимаешь, какой ты везучий?! — Янь И уставилась на него так, будто он сорвал джекпот. — Послушай меня: староста никогда ни с кем особо не сближался. Тебе выпал шанс проводить с ним столько времени наедине!

Она тревожно огляделась по сторонам, наклонилась еще ближе к углу Брай Си и заговорщически прошептала:

— Выведай для меня, какие у него предпочтения, ладно? Какой его любимый цвет, что он любит есть, какими видами спорта увлекается, какие книги читает? И самое главное... — Янь И изобразила на лице смесь кокетства и смущения. — Какой тип девушек ему нравится?

Когда Янь И назвала его везучим, сердце Брай Си порхало от радости. Он и сам считал, что возможность сблизиться со старостой — это величайшая удача. Но чем дольше он слушал ее просьбы, тем сильнее холодело у него на душе, а от последних слов и вовсе стало не по себе.

Янь И поднялась с места, посмотрела на Брай Си и улыблась мягкой улыбкой:

— Ты только не переживай! Если разознаешь хоть что-нибудь, я в долгу не останусь.

Брай Си бросил взгляд на старосту, сидевшего в нескольких рядах от него, и мысленно ощутил во рту вкус утренней каши, которую тот принес специально для него. Он знал, какая мягкая и добрая душа скрывается за холодным фасадом этого парня. Если бы кто-то другой подошел к старосте ближе, то непременно разглядел бы все его достоинства. Именно поэтому Брай Си испытывал сильнейшее отвращение к словам Янь И. Просить его поделиться предпочтениями старосты означало заставить его делить дорогого человека с другими. И пусть староста не принадлежал ему, Брай Си не мог отрицать: ему безумно нравилось, что сейчас только он один имеет возможность быть так близко к нему. Никакие награды не заставили бы его выдать чужие секреты, даже если сам он знал о старосте не так уж много.

А уж тем более — какой тип девушек ему нравится.

Если у старосты кто-то появится, эта девушка наверняка станет самой счастливой во всем

мире, раз ее полюбит такой человек.

Брай Си вдруг почувствовал, как на него лавиной обрушилась глухая тоска.

Янь И уже собралась уходить, как вдруг заметила уголок книги, прижатой тетрадью по математике.

— Ой? Ты сейчас читаешь уголовное право?

Увидев, как Брай Си робко кивнул, Янь И потеряла всякий интерес к дальнейшему разговору, пожала плечами и удалилась.

Точно, уголовное право. Он уже столько раз перечитывал эту книгу, что некоторые статьи знал наизусть. Когда-то староста прочитал ее одной из первых, и теперь уж никто не помнил, в какую щель забросили те старые тома — остальные ученики давно сменили по несколько стопок литературы. Только он один все еще застрял на этом месте.

Потому что у него не было лишних денег на покупку книг.

Глядя на то, как другие увлеченно обсуждают прочитанное, Брай Си снедала черная зависть. Он тоже хотел читать те же книги, что и староста, делать то же, что и он, чтобы сократить расстояние между их сердцами. Но у него не было для этого никаких условий.

Родители никогда не давали ему карманных денег. Другие могли скопить на новую книгу, просто отказавшись от пары завтраков, а ему пришлось продать учебники за младшую и среднюю школу. Вырученных денег хватило лишь на тоненький сборник уголовного закона за двенадцать юаней. Он до сих пор помнил, как был счастлив, когда впервые взял его в руки. Пусть это была и не художественная литература, он зачитывался ею до дрожи в сердце, чувствуя, что в эти моменты становится чуть ближе к старосте.

Но позже, глядя на то, как остальные с восторгом обсуждают свежие покупки, и сжимая в пальцах потрепанную книжонку с закрученными углами, Брай Си отчетливо осознавал: пропасть между ним, старостой и всем остальным миром становится только шире.

С тех пор как Шэнь Бай избавил школу от ходячей бомбы, он почувствовал себя невероятно легко.

Каждый день в обеденный перерыв он ходил в медпункт, чтобы та самая врачиха смазывала ему рану на спине. Ничего особенного: заходил, снимал рубашку, она без лишних вопросов брызгала спреем и аккуратно растирала лекарство, после чего он одевался и уходил. По пути он обычно прихватывал парочку чистых бланков заявлений об освобождении от занятий. За все время их общения с доктором они едва ли перекидывались больше чем двумя фразами за раз:

— Лекарство.

— Пропуск.

Но лучше всего было то, что во время уроков самоподготовки и прочих занятий, за которыми никто не следил, можно было сбежать на крышу и понежиться на солнышке!

В любом мире Шэнь Бай больше всего любил находить укромные уголки, где принадлежал только самому себе. Даже в те дни, когда он туда не поднимался, само знание о таком месте давало ему ощущение привязанности к этому миру. Помимо собственного дома, крыша была

его любимым убежищем: тихо наслаждаться сладостным адреналином прогула, предвкушая, как остальные зубрят книжки этажом ниже — о лучшем и мечтать было нельзя.

Хозяин, в последнее время вы забросили цели задания.

Ничего подобного, я только что отвел угрозу от Брай Си, — мысленно ответил Шэнь Бай, развалившись на собственном школьном пиджаке, заложив руки за голову и с удовольствием глядя в лазурное небо.

Ох, хозяин, хозяин! Выполнение заданий нашей Системы «Верный пес» — это еще не конечная цель. Главная наша задача — сделать так, чтобы объект миссии прочувствовал любовь верного пса на себе.

...Возразить было нечего.

Хотя мы не можем раскрывать хозяину личные данные объекта, мы все же можем немного приоткрыть завесу тайны над его текущим эмоциональным состоянием.

И каково же оно?

Внутри у малыша горько, но малыш молчит.

...

И что это за цирк?! Он ведь каждое утро вставал ни свет ни заря только для того, чтобы занести парню завтрак, а потом делал огромный крюк по дороге в школу и обратно, просто чтобы защитить его от возможных неприятностей. И с чего это вдруг у Брай Си на душе кошки скребут?!

Неужели из-за того, что в последнее время на переменках он не звал его с собой набрать воды?

С чего бы вдруг?! Было бы куда страннее, если бы он таскал Брай Си за собой каждый раз, когда ему захочется пить! Это же не девчонки, которые толпами ходят в туалет. Они оба парни, им предстоит вершить великие дела, так что нечего тут разводить телячьи нежности.

Впрочем, если Брай Си решил, что староста отдалился от него и стал уделять ему меньше внимания, и из-за этого расстроился — что ж, это даже к лучшему. Так будет проще реализовать следующий этап плана.

Точно! Самое время превратить Брай Си в настоящего божественного красавца! Похоже, сегодня вечером придется серьезно поговорить с ним о проекте «Фабрика грез прекрасного юноши»!

Нет-нет, погоди! Послезавтра же месячный экзамен. Лучше подождать его результатов: пусть Брай Си на собственном опыте прочувствует разницу в баллах, а уже потом предложить ему помощь с подтягиванием отставания — так всё будет выглядеть куда естественнее и послужит отличным стимулом!

Поэтому Шэнь Бай решил сидеть тише воды ниже травы. Правда, когда они шли по дороге в молчании, а он вспоминал, что у парня на душе «горько, но он молчит», атмосфера становилась донельзя неловкой. Впрочем, разрушать эту невидимую стену Шэнь Бай не собирался — напротив, он стал еще холоднее и неприступнее. Когда Брай Си всякий раз набирался храбрости и спрашивал, как заживает его рана, он отвечал короткое «нормально»;

когда тот просил составить ему компанию по пути в медпункт, бросал сухое «не нужно»; а на вопрос о том, какой тип девушек ему нравится, неизменно отвечал гробовым молчанием.

Сигнализирувшая о том, что эмоциональное состояние Брай Си катится по наклонной, Система лишь подливала масла в огонь, а когда вывесили результаты месячных экзаменов, оно и вовсе достигло критической точки, что не могло не радовать Шэня.

Вне всяких сомнений, Шэнь Бай занял первое место в параллели, оставив серебряного призера далеко позади с отрывом в несколько десятков очков. Даже в сочинениях этот немногословный тип проявил свой фирменный хладнокровный и пронизательный стиль, заслужив высший балл. Можно сказать, что даже в литературе, которая давалась ему слабее прочих предметов, он вышел на первое место в школе.

Седьмой класс под предводительством Шэня практически оккупировал всю первую десятку рейтинга. В классе было около сорока человек, и больше тридцати из них вошли в топ-50 по всей параллели.

Получая похвальные грамоты, ученики Седьмого класса сияли одинаковыми загадочными улыбками.

Не спрашивайте, почему у Седьмого класса такие блестящие оценки по английскому — деловая лексика доводила их до головной боли. Не спрашивайте, почему они так блестяще сдали обществознание — в концепциях утопий тоже хватало темных мест. И уж тем более не спрашивайте про историю — над некоторыми терминами на полуклассическом языке им приходилось сидеть со словарями...

Изумленный классный руководитель Седьмого класса, вечно остававшаяся в тени, но почему-то регулярно получавшая награды, с глуповатой улыбкой принимала бурные похвалы от руководства.

А Брай Си оказался на сорок втором месте. Результат был вполне неплохим, даже лучше прежнего, но стоило ему взглянуть на первую строчку, где безраздельно красовалось имя старосты, как на сердце оседало тяжелое уныние.

Ему вечно суждено было воочию убеждаться в том, как человек, к которому он так стремится, неумолимо и безоговорочно отдаляется от него. И это расстояние лежало прежде всего в плоскости душ.

Вспомнив молчание старосты на вопрос о любимом типе девушек, Брай Си понял: в этом мире вряд ли найдется кто-то, способный встать рядом с ним.

Но увидев, как Янь И, болтавшаяся где-то во второй сотне, вмиг взлетела в первую десятку, и глядя на то, как имена его одноклассников постепенно подбираются всё ближе к заветной первой строчке, он вдруг возненавидел собственную никчемность.

Я хочу стать сильнее. Я хочу приблизиться к этому человеку. Я хочу стоять рядом с ним.

На этот раз Брай Си впервые отчетливо услышал собственный внутренний крик — оглушительный, заполнивший до отказа всё его сознание.

Шэнь Бай с бесстрастным видом проплыл мимо вывешенных на лестнице рейтингов и списков лучших по предметам, глядя исключительно перед собой, но, вернувшись за парту, молча вывел в блокноте цифру «42».

Ах, Брай Си, Брай Си... Я надеялся, что к моменту моего ухода ты сумеешь занять мое место.

<http://bllate.org/book/21649/2234192>